

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

И. В. Бестужев-Лада

ИМЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

(ИСТОРИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЛЮДСКИХ ИМЕН
СОБСТВЕННЫХ И ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ
АНТРОПОНИМИЧЕСКИХ ЗОН)

Людские имена собственные выполняют определенные функции. По своему значению выделяются две пары таких функций, тесно связанные друг с другом: социально-различительная и ритуально-харизматическая. Первая — основная, без которой имя теряет всякий смысл, — сводится к задаче отличия индивидов друг от друга, а также указания на их место в социальной структуре общества. Вторая призвана обеспечить носителю имени защиту от злых (или покровительство со стороны добрых) сверхъестественных сил, а также соответствие имени традициям, обычаям, моде и другим иррациональным факторам. Именно изменение содержания указанных функций сообразно изменениям исторической обстановки служило первопричиной, предопределявшей соответствующую эволюцию всей системы в целом.

Как будет показано ниже, эта система прошла в своем развитии две стадии, которые условно можно назвать исходной (при родовом строе) и переходной (в докапиталистических классовых формациях). Каждая стадия завершалась своеобразным кризисом сложившейся системы. В условиях капиталистического строя началась третья стадия и уже обнаружились симптомы наступающего кризиса.

Подобный характер эволюции системы имен объясняется, насколько можно судить, тем, что требования, предъявляемые к ним социально-различительной и ритуально-харизматической функциями, находятся в постоянном обостряющемся противоречии друг с другом. Вторая категория функций постепенно как бы подавляет первую, а так как без нее не может эффективно функционировать сама система, то наступает кризис, после которого начинается новая стадия развития.

Почему это происходит? Видимо, в силу особенностей второй категории функций, которая, не являясь основной, стремится занять первое место. Даже в современных экономически развитых странах сохраняют силу как сложный ритуальный комплекс, связанный с традициями, обычаями, модой, так и харизма собственных имен — вера в их сверхъестественную силу¹. В прошлом же (а для отсталых стран — и в настоящем) такого рода «неосновные» функции играли огромную роль.

¹ При обсуждении доклада об исторических тенденциях развития имен собственных, сделанного автором на заседании Группы ономастики Ин-та этнографии АН

В этнографической литературе накоплено немало материалов о значении ритуала и харизмы в системе собственных имен народностей и племен, стоящих на разных ступенях исторического развития. Большие подборки свидетельств наблюдателей находим мы, в частности, в трудах Л. Леви-Брюля и Л. Я. Штернберга. Все наблюдатели сходятся на том, что повсюду в «первобытных» племенах социально-различительная пара функций отступает на задний план перед ритуально-харизматической.

Как правило, наделение людей именами происходит там по строгому регламенту. Именной фонд тесно связан с канонами первобытной религии. Имя существует как бы независимо от его носителя, рассматривается как часть души человека. Считается, что злонамеренным употреблением имени можно навредить его владельцу. С другой стороны, от имени ждут покровительства и всевозможных благ. Ясно, что такое имя социально-различительной функции эффективно выполнять не может: оно употребляется обычно только в религиозных церемониях, а в повседневном обиходе его приходится заменять разного рода прозвищами².

Да и сами имена по мере развития религии и социальной структуры общества постепенно усложнялись. Кроме того, первобытная идеология требовала, чтобы каждый индивид при переходе из одной возрастной группы в другую (например, при обряде посвящения) получал новое имя сообразно установившимся социальным, ритуальным и харизматическим канонам. В итоге складывалась чрезвычайно сложная система имен, состоявшая из множества компонентов, которые периодически, по определенным закономерностям менялись на протяжении жизни индивида.

Мы теперь лишь умозрительно можем представить себе эволюцию имен при первобытнообщинном строе от простого имени-клички, выполняющего только различительную функцию, до доброй дюжины имен разного значения, через систему: «настоящее (тайное) личное имя плюс иносказательное имя для внутривидового общения, плюс родовое имя» к чрезвычайно сложной системе: «несколько личных имен (каждое с определенной функцией), меняющихся по определенным правилам при переходе индивида из одной возрастной группы в другую, плюс несколько прозвищ (также меняющихся), плюс одно или несколько родовых имен». Дело в том, что почти все племена, о которых упоминается в исторических источниках или которые служили объектами этнографических исследований, зашли уже сравнительно далеко в своем развитии и их система имен успела обрести социальными, ритуальными и харизматическими функциями. Эта проблема требует специального исследования.

Некоторое представление о сложности системы имен в далеком прошлом может дать пример из истории древнего Китая. Имя легендарного философа VI в. до н. э. Лао-цзы в буквальном переводе означает лишь мудрец из рода Лао, но в жизни он носил еще фамильное имя

СССР в апреле 1967 г. В. А. Никонов, А. В. Супранская, М. А. Членов, Г. И. Анохин, З. Е. Черняков и другие участники обсуждения привели много фактических данных в пользу этого тезиса. В частности, Г. И. Анохин сообщил, что в скандинавских странах ребенку до сих пор часто дают два-три имени «про запас», на случай тяжелой болезни; считается, что болезнь уносит с собой носителя одного из имен, а выздоровевший продолжает жить с оставшимися не употребляя уже однажды «использованного».

² Л. Леви-Брюль, *Первобытное мышление*, М., 1930, стр. 30—32; Л. Я. Штернберг, *Первобытная религия в свете этнографии*, Л., 1936, стр. 109, 309—312.

Ли, личное имя Эр, второе личное имя Бо-ян, а после смерти — имя Дань. Кроме того, он носил имена по месту рождения, по месту отшельничества, по месту своего земельного владения и т. д., а также целый набор прозвищ — как почетных, так и обычных, известных у нас под названием «уличных»³.

Этот пример переносит нас из обстановки родового строя в рабовладельческое государство — в его города с тысячами жителей, на строительные оборонных, ирригационных или мемориальных сооружений, где трудятся десятки тысяч рабов, на поля сражений, где сталкиваются между собой многотысячные армии. Может ли остаться эффективной в этих условиях прежняя система имен? Разумеется, нет. Во-первых, возрастает значение различительной функции (прежде всего, в фискальных целях), а выполнение ее осложняется ростом числа одинаковых имен, находящихся в повседневном обращении. Во-вторых, меняется социальная функция: структура общества становится иной и имя призвано определить принадлежность его носителя к той или иной прослойке эксплуатирующего или эксплуатируемого класса. В-третьих, первобытную религию сменяет одна из классических и, следовательно, меняется содержание харизмы, а вместе с ней и всего ритуала. Прежняя громоздкая система не соответствует новым требованиям. Наступает кризис, в ходе которого рождается новая система. Смена растягивается на долгие века, отличается большой сложностью промежуточных форм, а новая система несет на себе столько «родимых пятен» старой, что четкой границы между ними попросту невозможно провести⁴. К тому же новая система, в свою очередь, начинает эволюционировать и тоже претерпевает значительные изменения. Нужно присовокупить, что эта проблема в антропонимике также не разработана. Однако каждый, кто знакомился с системой имен при родовом строе и, скажем, в античном мире, знает, как существенно отличается новая стадия развития от старой. И это неудивительно. В новых условиях никому нет дела до тотемических предков человека и до его тайных «настоящих» имен. Зато важно знать, принадлежит ли носитель имени к числу простолюдинов, рабов или правящей верхушки, а в последнем случае — к какой именно ступеньке иерархической лестницы аристократии. Необходимость оперировать именами десятков тысяч человек требует простоты и краткости каждого имени. А религия канонизирует лишь строго определенное число имен и тем самым сокращает именной фонд, подрывая различительную функцию. Требуется новое усложнение. В муках и противоречиях начинается новая стадия развития.

По преданию, Кай Юлий Цезарь знал по имени несколько тысяч своих воинов. Вряд ли это было бы возможно, если бы римлян его времени звали просто распространенными тогда именами, скажем, Приск, Секунд, Квинт, Секст, Септим и т. д. по порядку рождения (что соответствует древнеславянским: Первун, Вторко, Пятой, Шестак и т. д.). Но, как известно, у римлян в ходе долгой эволюции установилась система имен, включающая личное имя, фамильное имя и прозвище. Она позволяла легко ориентироваться в социально-различительном отношении. Понятно, что система в полной мере распространялась лишь на

³ См. А. Forke, *Geschichte der alten chinesischen Philosophie*, Berlin, 1927, S. 249. Форке различает 10 категорий древнекитайских имен: *Gentilname*, *Familienname*, *Rufname*, *Beiname*, *Nachname*, *Zuname*, *Ehrenname*, *Volle Name*, *Wahlname*, *Posthumer Name*.

⁴ Об этом ярко свидетельствует, в частности, только что приведенный пример из истории Китая, где пережитки исходной и переходной стадий развития оказались особенно живучими.

рабовладельцев. Для раба достаточно было имени-клички и ссылки на принадлежность тому или иному хозяину.

По каким направлениям шло усложнение системы имен на новой стадии развития? Преимущественно по четырем: ссылкой на происхождение, все более широким употреблением прозвищ — сначала личных, а потом передававшихся по наследству, ссылкой на место рождения, постоянного жительства или позднее на свое земельное владение (так сказать «топонимическое имя»); ссылкой на род занятий или социальное положение («профессиональное имя») ⁵. Все эти направления, развиваясь, составили основу для современной системы имен, когда прежняя перестала быть эффективной и, в свою очередь, вступила в полосу кризиса.

Усложнение по всем четырем направлениям началось, судя по данным этнографических исследований, еще на исходной стадии развития, в эпоху разложения первобытнообщинного строя. На новой же стадии оно только резко ускорилось и приобрело более законченные формы.

Ссылки на происхождение мы встречаем еще при материнско-родовом строе — разумеется, по линии матери. При патриархате, естественно, появляется отчество, которое встречается на определенной стадии развития почти у всех народностей (о чем свидетельствуют, в частности, позднейшие фамильные образования типа Робинзон, Мак-Ферсон, О'Брайен и т. д.). У некоторых же народов, как известно, оно сохранилось и поныне.

Наряду с отчеством стало употребляться имя деда и даже прадеда. Это было особенно важно для аристократии, кичившейся своей родовитостью. Появились громоздкие образования типа: Мардохей, сын Ианра, сына Семея, сына Киса из Колена Вениаминова или Владимир Святославич, внук Всеволожь, правнук Ольгов, праправнук Святославль, прапраправнук Ярославль, пращур Великого Владимира. Остается дискуссионным вопрос о том, до какой степени такого рода словопостроения могут рассматриваться в качестве имен. Но очевидно, что подобная форма для повседневного употребления не годится. Появились более «экономные» способы необходимого усложнения имен.

Одним из таких способов и стало добавление «топонимического имени». Фалес из Милета, Фома из Аквино, Эразм из Роттердама — эта форма на протяжении тысячелетий оказывалась довольно эффективной, когда дело касалось чужестранца или личности, снискавшей международную известность. Но в городе, насчитывающем тысячи жителей, она явно не годилась. Вот почему при феодализме «топонимическое имя» получило распространение лишь среди землевладельческой знати. Что же касается простолюдинов, особенно горожан, то для них возможности использования «топонимического имени» были ограниченными и им приходилось прибегать к другим способам.

Еще одним из способов стало «профессиональное имя». Аарон Священник, Симеон Плотник, Матвей Мытарь (сборщик налогов) — эта форма в сочетании с отчеством тоже была весьма эффективной, но лишь для лиц определенных профессий или высокого социального положения. Для большинства же населения различительной функции она выполнять не могла.

Наиболее гибким, разносторонним и перспективным способом оказалось обращение к прозвищам, наименее связанным с определенными

⁵ В известном смысле топонимическое и профессиональное имена правомерно рассматривать как разновидность прозвищ, но некоторая специфика выделяет их из общей массы последних.

социальными отношениями (включая и родственные) и наименее подверженным религиозным ограничениям. Источником прозвища может стать не только топонимическое или профессиональное имя, но и любая особенность индивида или какой-то стороны его жизни вообще. Прозвище дает не церковь и не родители, а окружающие, так что отпадает масса ритуально-харизматических факторов, регламентирующих именной фонд. Выбор оказывается практически беспредельным, а выразительность и меткость даваемых народом прозвищ делала их еще эффективнее в различительном смысле, чем собственно имена. Вспомним у Гоголя: «Выражается сильно русский народ! И если наградит кого словцом, то пойдет оно ему в род и потомство, утащит он его с собою и на службу, и в отставку, и в Петербург, и на край света. И как уж потом ни хитри и ни облагораживай свое прозвище, хоть заставь пишущих людишек выводить его за наемную плату от древне-княжеского рода, ничто не поможет: каркнет само за себя прозвище во все свое воронье горло и скажет ясно, откуда вылетела птица» («Мертвые души», т. I, гл. V).

Прозвище главы семьи могло превращаться из личного в фамильное, распространяясь на детей, внуков, правнуков и обеспечивая именам последних степень стабильности, для условий докапиталистических формаций более или менее достаточную.

Достаточно сопоставить громоздкие структуры типа: Финеас сын Елеазара сына Аарона Священника или Софья Ярославна Ростиславля Глебовича с экономными и выразительными: Гаврило Попок или Марьяца Белка, чтобы убедиться в превосходстве последних по части различительной функции. При необходимости можно было добавить: Гаврило Попок, Иванов сын или Марьяца Белка Онисимова дочь (а в случае необходимости присовокупить также прозвище отца).

Система «личное имя плюс личное или фамильное прозвище плюс иногда еще отчество и другие уточнения» явилась венцом эволюции имен собственных на переходной стадии их развития. Мы могли охарактеризовать эту стадию лишь в общих, абстрактных чертах. На деле процесс шел сложнее, с существенными особенностями по каждой стране, а в рамках страны — по каждой исторической эпохе. Для России этот процесс частично освещен работами Н. М. Тупикова, А. М. Селищева, В. К. Чичагова и др. В целом эволюция системы имен на данной стадии тоже требует исследования.

Почему же эта система, несмотря на ее относительную эффективность, не смогла выжить в условиях капиталистической формации? Видимо, степень стабильности имен при этой системе, достаточная для прежних формаций, для капиталистической оказалась недостаточной!

Действительно, прозвище, даже фамильное, способно эффективно функционировать только в условиях относительно слабой миграции населения, преобладания небольших населенных пунктов, где люди хорошо знают друг друга и имена находятся преимущественно в «устном» обращении.

Сравните эти условия, характерные для докапиталистических формаций, с капиталистическим способом производства, когда миграция населения возрастает, миллионы людей скучиваются в крупных городах, где даже соседи часто незнакомы, а делопроизводство (особенно государственное) требует письменного удостоверения личности. Прозвище в официальном обращении становится несостоятельным как образование произвольное, капризное, зависящее от многих случайных факторов, способное часто меняться и относиться к разным индивидам (или, наоборот, — в разных вариантах обозначать одного и того же инди-

вида). Требуется форма, которая не зависела бы от произвола ни самого носителя имени, ни его родителей, ни окружающих, которая могла бы быть зафиксирована в документах раз и навсегда, по возможности четко указывая отношение к главе семьи (что важно для решения вопросов, связанных с наследством, и для косвенного определения положения данного индивида в обществе). Такой формой и явилось фамильное имя (фамилия), образовавшееся в сочетании с личным именем современную систему имен собственных.

Новая система на какое-то время разрешила противоречие между социально-различительной и ритуально-харизматической функциями. Личное имя в ней приняло на себя почти всю тяжесть последней категории функций, выполняя требования обычаев, традиций, моды, религии, вообще харизмы. Зато фамильное имя получило возможность в значительной степени освободиться от давления ритуала и харизмы, благодаря чему его эффективность в социально-различительном отношении повысилась.

Это не значит, что личное имя перестало выполнять социально-различительную функцию, а фамильное стало независимым от ритуала и харизмы. Но наметившееся «разделение труда» между личным и фамильным именем помогло в повышении общей степени эффективности и тому и другому.~

В общем виде современную систему имен можно выразить формулой: «личное имя или несколько имен плюс иногда отчество плюс фамильное имя, реже сдвоенное». Поскольку, однако, эта система возникла не на пустом месте, а в ходе кризиса на предыдущей стадии развития, отягощенной, в свою очередь, пережитками предшествующей, да притом еще развития в разных странах по-разному, то приведенная формула является лишь абстракцией, обозначающей общую тенденцию. Следует добавить, что и в этом общем виде современная система характерна лишь для некоторых стран, где она уже успела сформироваться. Значительная часть развивающихся (и даже некоторые из развитых) стран еще только подходят к этой системе, оставаясь на том или ином этапе предшествующей стадии развития. Это делает очень сложной антропонимическую карту мира. Может быть, применительно к существующему положению правильнее говорить не просто о смене одной стадии развития системы имен другой, а о процессе формирования современных антропонимических зон — настолько существенны региональные различия.

В первом, предельно грубом приближении, таких зон намечается девять:

1. «Северо-Западная» (Северная Америка и Северо-Западная германоязычная Европа). Процесс идет в основном под влиянием протестантской религии. Система имен включает формально неограниченное число личных имен сравнительно широкого выбора (практически их дают обычно одно или два-три) плюс фамильное имя, реже сдвоенное.

С этой зоной ассоциируются в антропонимическом отношении бывшие английские доминионы Южная Африка, Австралия и Новая Зеландия.

Неограниченность и широта выбора личных имен в этой зоне, разумеется, относительны. Просто фонд личных имен здесь шире, чем в некоторых других зонах, а формальные ограничения — слабее. Известно, что в Англии и особенно в США личными именами часто служат фамилии великих людей (например, Вашингтона) или вообще людей, в честь которых родители желают наречь ребенка. Рассказывают об анекдотическом случае, когда один англичанин назвал своего первенца именами и фамилиями всех игроков любимой футбольной команды, включая тренера и запасных. Для женских имен в большом ходу названия цветов, драгоценных камней и т. п. Наконец, в Великобритании, Германии и Скандинавских странах наряду с христианскими именами широко используются древнегерманские. Все это так. Но на практике число личных имен здесь по традиции и обычаям ограничивается в подавляющем большинстве случаев двумя-тремя, из которых только одно (часто по выбору самого носи-

теля) употребляется повседневно вместе с фамильным именем, а остальные — главным образом в официальном обращении, да и там, как правило, обозначаются инициалами. Те же обычаи, традиции, мода устанавливают де-факто довольно жесткие в общем рамки и правила выбора самих имен.

2. «Юго-Западная» (Латинская Америка и Юго-Западная романоязычная Европа). Процесс идет под сильнейшим влиянием католической религии. Система имен включает одно или несколько личных имен сравнительно узкого выбора плюс фамильное имя, нередко (а в Испании и Латинской Америке очень часто) сдвоенное.

Сравнительная узость выбора личных имен означает, что никаких «вольностей» типа отмеченных выше не допускается, а имена даются строго по католическим канонам. Традиции, обычаи и мода еще более сужают и без того довольно ограниченный именной фонд. Что касается числа личных имен, то при феодализме оно ограничивалось государственной властью (например, в феодальной Испании только лица королевской фамилии могли носить неограниченное число личных имен; графам разрешалось иметь не более двенадцати, рядовым идалго — не больше шести и т. д.). Теперь оно с такой же эффективностью ограничивается традицией и обычаями, не превышая, как правило, двух — трех.

Распространение сдвоенных (и вообще сложных) фамилий в Испании и Латинской Америке объясняется старой испанской традицией сохранять (при официальном обращении) и фамилию отца, и фамилию матери.

3. «Западная» (страны Центральной Европы от Финляндии на севере до Греции на юге). Очень разноликая зона, которую объединяет, пожалуй, лишь резкое отличие от соседних зон и широкое распространение дохристианских личных имен, превосходящее то, что наблюдается в соседних зонах. Система имен включает, как правило, личное плюс фамильное имя, реже сдвоенные.

4. «Северная» (Россия, Украина, Белоруссия и ряд других республик Советского Союза). Процесс шел до 1917 г. под сильным влиянием православной религии, от которого сохранились лишь пережитки. Система имен включает одно личное имя сравнительно широкого выбора плюс отчество плюс фамильное имя, реже сдвоенное.

Сравнительная широта выбора личных имен означает в данном случае, что после Великой Октябрьской социалистической революции церковные регламентации личных имен здесь были отменены и именной фонд стал юридически (а на первых порах и фактически) неограниченным. Однако впоследствии традиции, обычаи и мода чрезвычайно сузили выбор имен.

5. «Центральная» (страны мусульманского мира от Магриба до Индонезии). Процесс идет под сильнейшим влиянием мусульманской религии. Система имен включает одно или несколько личных имен сравнительно узкого выбора (строго по мусульманским канонам) плюс фамильное имя, в качестве которого часто выступает отчество или фамильное прозвище.

Особенность этой зоны — более поздний переход к современной системе имен сравнительно с перечисленными выше зонами. Отсюда — большая распространенность форм, характерных для предыдущей, переходной стадии развития. Однако за последние десятилетия под давлением со стороны государства, заинтересованного в скорейшем установлении современной системы имен, в этом отношении достигнут здесь значительный прогресс.

6. «Южная» (страны Африки южнее Сахары). Налицо различные этапы переходной (иногда даже исходной) стадии развития и формирование современной системы преимущественно оригинального, но частично (в ряде стран) «северо-западного» или «юго-западного» типа.

Как правило, процесс этот развертывается здесь в значительных масштабах лишь после достижения национальной независимости и хотя бы первичных социальных преобразований, подрывающих традиции феодального или даже патриархального уклада народностей и племен в бывших колониях.

7. «Юго-Восточная» (Индия, Непал, Таиланд, Лаос, Камбоджа). Различные этапы переходной стадии развития имен собственных и формирование современной системы. В отличие от предыдущей зоны, процесс этот здесь продвинулся несколько дальше.

8. «Северо-Восточная» (Япония). Здесь процесс, отмеченный в предыдущих двух зонах, доведен до логического завершения: сформировалась современная система имен (личное плюс фамильное имя).

9. «Восточная» (Китай, Корея, Вьетнам). Своеобразная консервация предыдущей стадии развития: традиционная система непосредственно «трансформирована» в современную путем превращения родового имени в фамилию. Такая трансформация оказалась возможной в силу особенностей языка, социально-этнической структуры и культуры, а также наличия в этой системе сильнейших пережитков предыдущей стадии в их «нетрансформированном», первозданном виде (параллельные ряды периодически меняющихся личных имен и прозвищ).

Ряд стран остался вне рамок намеченных зон. Этот недочет нетрудно устранить: такие страны, смотря по характеру господствующей в них системы имен, можно ассо-

цировать с другими, схожими зонами или выделить в особую, десятую зону типа «западной». Сложнее обстоит дело со структурой самих зон: она далеко не так проста, как обрисована выше в первом приближении. Даже наиболее «однородные» по своей структуре зоны включают в себя районы и подрайоны, где система имен существенно отличается от господствующей.

Так, в «северо-западной» зоне мы сталкиваемся с французской Канадой и католической Ирландией, которые тяготеют по существу к «юго-западной». Мы встречаем там Исландию, где в силу традиций (и добавим, малочисленности населения) сохраняется переходная стадия развития имен: личное имя плюс отчество, функционирующее обычно как фамильное прозвище. Сильные пережитки той же стадии сохранились и в скандинавских странах. В Нидерландах, наряду с личным и фамильным именем, также употребляется отчество. А в крупных странах — таких, например как Великобритания и Германия, весьма сильны региональные различия. Точно так же существенными особенностями отличаются системы имен индейцев Америки, ряда народностей СССР и Китая.

Антропонимические зоны представляют собой сложнейшие конгломераты с целой иерархией районных и подрайонных различий. Это ставит на повестку дня антропонимики проблему принципов антропонимического районирования. Речь идет о типологии ономастических систем, о выработке понятия первичной зональной единицы (антропонимический округ?) и о принципах сведения такого рода единиц в районы (возможно, с подрайонами) и, наконец, в зоны⁶.

Остается пояснить, что имеется в виду под симптомами наступающего кризиса современной системы имен собственных, о котором говорилось в начале статьи.

Речь идет о том, что искусственное сужение фонда личных и фамильных имен по ритуально-харизматическим причинам при современных условиях делает все более неэффективной в социально-различительном отношении даже эту систему.

Чем характерна в данном отношении современная обстановка?

Во-первых, миграция рабочей силы из деревни в город, из области в область, из страны в страну за последние десятилетия выросла и исчисляется десятками миллионов. Во-вторых, вырос туризм в самых разнообразных его формах. Число туристов в мировых масштабах также исчисляется ежегодно десятками миллионов. В-третьих, развитие прессы, кино, радио, телевидения способствовало выходу на общественную арену великого множества политических и общественных деятелей, а также деятелей науки, литературы, искусства до участников художественной самодеятельности и спортивных соревнований включительно. Их имена, представлявшие некогда интерес для сравнительно узкого круга лиц, становятся ныне известными общенациональной или даже мировой аудитории.

Все это повышает требования к различительной функции имен и в то же время осложняет выполнение этой функции. Каждое предприятие и каждое государство заинтересовано в четкой, унифицированной, документальной фиксации личности рабочего, служащего, клиента, туриста и т. д. Для читателя газеты и журнала, слушателя радиопередачи, кино- и телезрителя важно знать, о какой именно личности идет речь. В этой связи неоднозначность, неясность, несоответствие формы имени и фамилии официально принятой системе представляется нежелательным, чреватым опасностью различных ошибок или злоупотреблений.

Особенно нежелательным представляется наличие тезок как в личных, так и особенно в фамильных именах. Между тем пережитки преж-

⁶ Актуальность проблемы типологии в ономастике подчеркивалась всеми участниками упомянутого выше заседания Группы ономастики Ин-та этнографии АН СССР.

них социальных отношений, а также традиции, обычаи, мода, вообще ритуал и харизма консервируют сложившиеся системы имен собственных, сохраняют и даже умножают число тезок.

Таким образом, в исторической эволюции системы имен мы наблюдаем как бы виток спирали: сначала здесь доминировала различительная функция, затем она обросла социальной, ритуальной и харизматической, а теперь происходит умаление трех последних и выдвижение различительной функции снова на доминирующий план.

Это касается не только ряда развивающихся стран, где государственная власть декретом упраздняет пережитки предыдущей стадии развития и конституирует современную систему. В скандинавских странах, например, особенности социально-этнического развития и прежде всего сравнительная малочисленность населения, разбросанного совсем недавно по мелким и мельчайшим поселкам, тоже вызвали несоответствие между сложившейся системой имен и требованиями жизни. Так, в Швеции на восемь миллионов населения 381 тыс. людей носит фамилию Андерссон, 365 тыс. — Иоганссон, 333 тыс. — Карлссон и т. д. А так как и набор личных имен по ритуально-харизматическим причинам здесь очень узок, то все это создает в повседневном обиходе невероятные трудности. Когда-то в мелких поселках неэффективность такой системы до некоторой степени компенсировалась параллельной системой прозвищ. Но в официальной документации прозвища отпали и создавалась кризисная ситуация. В итоге правительство решилось на крайнюю меру: с помощью электронной машины подбирается 50 тысяч новых благозвучных фамилий, которые официально рекомендуются для замены наиболее распространенных.

С теми же трудностями столкнулось правительство Дании.

В Италии жесткая регламентация личных имен со стороны католической церкви снизила эффективность системы имен в различительном отношении: сравнительно узкий (по традиции) набор фамильных имен и большое число многодетных семей привели там к появлению множества тезок по фамилии, так что на личные имена по части различительной функции падает значительная нагрузка. Дело дошло до протестов общественности против церковной регламентации личных имен.

Примеры такого рода можно продолжить. Но главное — кризисные явления, подобные только что перечисленным, почти повсюду имеют тенденцию к нарастанию. Сегодня наличие у президента США Л. Б. Джонсона абсолютного тезки в лице капитана хоккейной команды Л. Б. Джонсона может рассматриваться как забавное совпадение имен. Точно так же забавно, что известный английский ученый Уолтер Грей, чтобы его не путали с другим Уолтером Греем (тоже известным ученым), счел необходимым видоизменить свое имя на Грей Уолтер. Однако завтра появление на общественной арене сотен и даже тысяч абсолютных тезок может вызвать большие неудобства. Избежать этого можно только путем продуманных реформ, ослабляющих социальные и ритуально-харизматические стеснения в системе имен. Но имена людей — область весьма деликатная, затрагивающая честь и достоинство личности и всякая реформа должна опираться на тщательно проведенные исследования специалистов по антропонимике.

Особенно важны такие исследования в социалистических странах, где выход на общественную арену знатных людей из числа передовиков производства, деятелей науки, искусства принимает значительные масштабы и, следовательно, кризисные явления в сложившейся системе имен должны уже сейчас вызывать тревогу. Перспективы же развития имен собственных в коммунистическом обществе с выходом на общест-

венную арену многомиллионных масс людей высокой культуры требуют еще более пристального внимания.

Автором была сделана попытка рассмотреть возможные перспективы дальнейшей эволюции системы имен собственных⁷. Как известно, на этот счет существуют две прямо противоположные концепции. Одна из них принадлежит американскому писателю — фантасту Хьюго Гернсбеку, который считал, что в обществе далекого будущего с его многими миллиардами членов фамильное имя не в состоянии будет выполнять различительную функцию и отомрет. Останется только личное имя, рассчитанное на узкий круг знакомых. Фамилию же заменит номер, возможно, ассоциирующийся с номером личной машины, видеофона и т. д. Другая, широко распространенная концепция сводится к тому, что современная система имен сохранится навечно в силу чрезвычайной живучести ритуально-харизматической функции, просто в силу традиций.

Обе концепции заслуживают внимания, но представляются односторонними. Сторонники первой действительно игнорируют не только ритуально-харизматическую, но и социальную функцию фамильного имени, признавая таковую лишь для личного. Конечно, ссылка на номер видеофона, место жительства, род занятий может оказаться необходимой для уточнения имени. Но замена фамилий номерами возможна, на наш взгляд, только в обществе, где человек превращен в придаток машины и его личность сама по себе не имеет значения. В коммунистическом обществе такой путь, по всей видимости, окажется неприемлемым, так как подорвет социальную функцию имени.

Нельзя забывать, что если указание на место личности в социальной структуре общества при коммунизме в значительной мере потеряет значение, то понятие о чести и достоинстве личности, каждой личности, сохранится и наверняка приобретет даже большее значение, чем сейчас. Между тем, имя (фамильное в том числе) тем и отличается от номера, что прочно связывается в сознании людей с определенной личностью. Ошибка в номере остается незамеченной. Искажение имени режет глаз и слух. Вот почему там, где целью общества является свобода и всестороннее развитие личности, где «Человек — это звучит гордо», логично предположить не номера, а громкие и гордые имена.

Что касается другой концепции, то ее сторонники игнорируют факт растущей неспособности традиционной системы имен выполнять различительную функцию. Конечно, имена можно сдваивать и даже страивать. Но это паллиатив, к тому же во многих отношениях неудобный. Между тем, речь может идти не обязательно о традиционных именах.

Антропонимические исследования показывают, что имена собственные, образовавшись из слов одного языка, перекочевывают в другие и в своих путешествиях по странам и векам теряют связь с первоначальным смысловым значением, видоизменяясь сообразно нормам каждого приютившего их языка и превращаясь просто в привычные сочетания слогов. Однако слогосочетания, непривычные для нас, могут оказаться привычными для языка, обычаев, культуры людей будущего.

Из сказанного следует три вывода:

1. Живучесть традиционных имен, легко укладываемых в нормы других языков, позволяет предположить, что и в будущем сохранятся многие привычные нам имена.
2. С изменением языка, обычаев, культуры появятся, видимо, и другие

⁷ См. И. Лада, Дар Ветер или Ральф 124 С 41+?, «Наш современник», 1965, № 11, стр. 115—117.

имена. Неизбежное исчезновение в коммунистическом обществе харизматической функции, рационализация ритуальной, видоизменение (в указанном выше смысле) социальной и резкое возрастание роли различительной обязательно приведут к появлению множества новых имен, благозвучных и ярких.

3. В условиях многомиллиардного общества для эффективного выполнения различительной функции, наряду с максимальным разнообразием имен, неизбежно потребуются усложнение их системы, складывание — соответственно росту населения и выходу на общественную арену все более широкого круга людей — целой иерархии имен, рассчитанных на различную аудиторию. Как уже говорилось, возможно также уточнение этих имен ссылками на личный номер видеофона, место жительства и т. д.

Понятно, что все это — сугубо общие, предварительные соображения. Надо сказать, что этническая прогностика является одной из самых отстающих отраслей в бурно развивающемся сейчас комплексе исследований по проблемам социального прогнозирования. А вопросы антропоники в этом плане и подавно не затрагивались. Для более конкретных и мотивированных выводов в данном отношении требуются специальные исследования.

Но нас сейчас интересует не далекое будущее, а ближайшие годы и десятилетия, в масштабах которых назревающий кризис вырисовывается довольно четко. Пока еще совпадение имен у лиц, выступающих на общественной арене, встречается сравнительно редко. Известны труды А. Л. Сидорова и Н. А. Сидоровой — историков, А. А. Сидорова и Н. А. Сидоровой — искусствоведов. В списках делегатов съездов, депутатов Советов и т. д. абсолютные тезки различаются обычно ссылками на место работы (своеобразное возрождение «профессионального имени»). Два десятка Ивановых — членов Союза советских писателей и добрая сотня Ивановых — членов Союза журналистов различаются обычно написанием имен и инициалов (по типу: И. И. Иванов, Иван Иванов, Ив. Иванов, И. Иванов и т. п.), а также путем использования псевдонимов. Но легко представить, какие трудности нас ожидают, когда на общественную арену выйдут десятки и сотни абсолютных тезок, число которых при существующей системе имен собственных должно постоянно возрастать.

Большую тревогу в связи с этим вызывает тенденция к сужению у нас (почти исключительно по мотивам традиций, обычаев и моды) набора личных имен, на которые при сложившейся системе падает значительная доля различительной функции. На такого рода тенденцию уже довольно давно указывали советские специалисты по антропоники.

В. А. Никонов в своем докладе, прочитанном в Институте этнографии в феврале 1965 г., вскрыл интереснейшие закономерности распределения личных имен в городских и сельских местностях типичных районов Российской Федерации. Он проследил, как традиции, обычаи и мода определяют эволюцию личного именного фонда в городах, а затем постепенное распространение происходящих там сдвигов на сельскую местность. В. А. Никонов отметил сужение круга наиболее употребительных личных имен⁸. А. В. Суперанская в ряде статей также указывала на то, что сейчас активно употребляется меньше десятой части наиболее распространенных совсем недавно русских имен. Редкостью

⁸ См. В. А. Никонов, Личное имя — социальный знак, «Сов. этнография», 1967, № 5.

становятся даже такие имена как Антонина, Людмила, Василий, Кирилл. По подсчетам сотрудников одного из загсов, 60 процентов мужчин среднего возраста и половина женщин 30—40 лет носят всего десяток личных имен. А по последним записям в этом загсе на сто новорожденных мальчиков оказалось в среднем 20 Александров, почти столько же Андреев и чуть меньше Сергеев.

Тенденция сужения круга наиболее употребительных личных имен стала предметом заботы государственных органов нашей страны. «Число имен, которые дают новорожденным, все больше и больше сокращается»,— заявил начальник Отдела загсов Юридической комиссии при Совете Министров РСФСР Н. А. Бельк в докладе «Практические вопросы антропонимики» на Первой Поволжской конференции по ономастике в сентябре 1967 г. Он перечислил меры, которые уже приняты для исправления положения. Сюда входит издание словаря личных имен народов РСФСР, систематическая пропаганда этих имен на страницах печати, составление списков наиболее употребительных личных имен и др.

Таким образом, антропонимические исследования в сложившихся условиях выходят за чисто академические рамки и приобретают актуальный характер. Это ставит перед советскими учеными задачу активизации работы в этой области.

До недавнего времени эффективность работы специалистов по антропонимике снижалась у нас разрозненностью, кустарностью их действий. Труды по проблемам антропонимики появлялись редко. Координирующих органов не существовало. Теперь, с созданием в Институтах этнографии и языкознания АН СССР специализированных групп по проблемам ономастики положение, видимо, должно измениться к лучшему. Создалась возможность сосредоточиться на наиболее актуальных, ключевых вопросах антропонимики, поднять теоретический уровень исследований⁹.

Советская антропонимика может и должна занять подобающее ей место в современной науке.

⁹ См. Р. Ш. Джарылгасинсва, М. В. Крюков, А. В. Суперанская, М. А. Членов, Новые исследования по ономастике, «Сов. этнография», 1968, № 1.